

Роль политической власти в интеграционных процессах

Александр Константинович Поляков^а

DOI: 10.22394/2070-8378-2024-26-1-6-13

Мария Афганьяр^б

^а Санкт-Петербургский государственный университет

^б Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация: Статья посвящена изучению политической власти как определяющего актора межгосударственных интеграционных отношений. Основное внимание уделяется функционированию Шанхайской организации сотрудничества, Евразийского экономического союза и БРИКС+ в контексте постглобальных тенденций. Авторами предпринята попытка определить функции политической власти в постглобальных интеграционных процессах с учетом современных геополитических и геостратегических изменений. Учитывая глобальные вызовы транснационализации на основе западного технократического доминирования на мировом рынке, мировые державы, как крупнейшие геополитические центры, предлагают новые подходы к интеграции для защиты собственно национальных интересов. Одним из подобных примеров являются инициативы, принимаемые в рамках объединения БРИКС+, направленные в основном на укрепление многополярного мира и снижение зависимости от глобальных западных финансовых и экономических структур. В подобных условиях политическая власть выступает ключевым актором интеграции при формировании согласованных стратегий с целью отстаивания национальных интересов и сохранения политической и экономической стабильности. Действия политической власти являются системообразующим элементом, определяющим как характер взаимодействия между участниками, так и устойчивость объединений в условиях глобальных вызовов. При этом ее функции направлены на обеспечение долгосрочного развития стран-участниц тех или иных интеграционных объединений.

Ключевые слова: геополитика, интеграция, регионализация, постглобализм, мировой порядок, Евразия, ШОС, ЕАЭС, БРИКС

Дата поступления статьи в редакцию: 11 января 2025 года.

THE ROLE OF POLITICAL POWER IN INTEGRATION PROCESSES

Alexander K. Polyakov^a

RESEARCH ARTICLE

Maria Afganyar^b

^a Saint Petersburg State University

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: This article examines political power as a factor influencing interstate integration relations. The main emphasis is on how the Shanghai Cooperation Organization, the Eurasian Economic Union, and BRICS+ function in the context of post-global trends. The authors try to clarify the roles of political power in post-global integration processes considering contemporary geopolitical and geostrategic shifts. Given the global challenges of transnationalization based on Western technocratic dominance in the worldwide market, world powers – important geopolitical centers – are proposing new integration strategies to protect their national interests. As an example, we can note the actions taken by the BRICS+ alliance, which seeks to strengthen a multipolar world and lessen reliance on international Western financial and economic systems. In these situations, political power plays a crucial role in integration by creating coordinated strategies to protect national interests and preserve political and economic stability. Political authorities' actions are a systemic factor that affects how participants interact as well as how stable associations are in the face of global challenges. At the same time, its function aims to guarantee the long-term growth of the countries that are members of different integration associations.

Keywords: geopolitics, integration, regionalization, post-globalism, world order, Eurasia, SCO, EAEU, BRICS

Received: January 11, 2025.

Мир не наступит, пока в политических системах не будет реальной интеграции отчужденных народов.

Папа Римский Франциск I¹

Введение

В условиях усиления взаимозависимости государств, обусловленной глобальными геополитическими вызовами, возрастает и значимость интеграционных объединений. Неоколониальные практики, хотя и приобрели новые формы, сохраняют свою сущность. Среди таковых можно выделить: 1) неравномерное распределение богатства и ресурсов между Глобальным Севером и Югом, заложенное в колониальную эпоху; 2) внешнее вмешательство в экономику развивающихся стран, зачастую вызванное стремлением мировых держав удержать экономические и геополитические позиции в тех или иных регионах; 3) односторонние действия, нередко используемые как в качестве инструмента политического давления, так и для недобросовестной конкуренции, что подрывает способность национальных экономик конкурировать на мировом рынке. В подобных условиях политическая власть выступает ключевым актором интеграции при формировании согласованных стратегий с целью отстаивания национальных интересов и сохранения политической и экономической стабильности. Целью настоящей статьи является определение функциональных характеристик политической власти в интеграционных процессах.

Дискурс постглобального мира

Как известно, современные интеграционные отношения строятся на принципах, предложенных венгерским экономистом Б. Балашша, где поэтапное развитие интеграции находит свое начало в виде зоны свободной торговли и при определенных условиях имеет потенциал к росту до уровня политического союза [Balassa, 2012].

Не последнюю роль в развитии интеграционных отношений играет модель мирового порядка. В работе Л. Бруст и Й. Лангбейн выделяются как положительные, так и отрицательные последствия транснациональной интеграции, что в первую очередь зависит от институциональных возможностей государств на основе внутренних политических условий [Bruszt, Langbein, 2020]. Подобный подход можно наблюдать в размышлениях К. Дойча, который исходит из транснациональных процессов

как основополагающих факторов при построении внешней политики государств. К. Дойч говорил об интеграциях как об «объединенных сообществах безопасности», возникающих именно на тех территориях, которым присуща более развитая и сильная политическая власть [Deutsch, 1978. P. 196].

С развитием глобализации обострилась и региональная конкуренция в экономическом управлении между развитыми странами. По словам политико-экономического ученого и профессора Лондонской финансовой школы Р. Вейда, «увеличивая совокупное глобальное экономическое состояние, транснационализация рыночных сил привела к тревожному росту бедности и неравенству в мире», что подчеркивает значимость неравномерного экономического развития [Wade, 2003]. Так как региональная интеграция представляет собой непринудительный процесс, приводящий к сближению экономических и политических институтов стран, немаловажным остается вопрос о роли транснационализации при построении интеграционных отношений, а также способности политической власти противостоять негативным последствиям подобных процессов.

Если рассуждать о глобальных тенденциях, изучаемых международным научным сообществом на протяжении последних десятилетий, то современные геополитические реалии на практике приводят к необходимости поиска новой модели мирового порядка. Необходимость смены западоцентричной парадигмы обусловлена рядом ее недостатков. Так, об отдельных аспектах рассуждают А.Г. Тарасов и А.А. Ишуков, отмечая доминирование стран G7 в модели «авангард – полупериферия – периферия», а также техногенное «изматывание» развивающихся стран [Тарасов, Ишуков, 2023. С. 78]. В подобных условиях для многих «периферийных» стран остается открытым вопрос о целесообразности политического союза в контексте, где главной целью развитых стран остается доминирование над периферией. Представляется, что в таком случае интеграционные отношения могут иметь явный неоколониальный характер. При этом возрастает роль государства, которая, по мнению Л.Н. Мин и Т.М. Три, выражена во влиянии на формирование интеграционных институтов, а также стратегий внешней политики и переговорных процессов [Minh, Tri, 2022].

Одним из примеров того, как политическая власть может повлиять на интеграционные процессы, явилась ситуация между Соединенным Королевством и Европейским союзом (ЕС). Решение Великобритании выйти из ЕС, известное как Brexit, имело серьезные политические и экономические последствия для всего региона, а переговоры меж-

1 Из послания Папы Франциска участникам международного саммита в Ватикане по вопросам колониализма, деколонизации и неоколониализма. *Vatican News* (2023). Папа Франциск: неоколониализм препятствует миру. <https://www.vaticannews.va/ru/pope/news/2023-04/papa-poraboshenie-i-ograblenie-narodov-prestuplenie.html>

Хорошее управление

ду Великобританией и ЕС об условиях их будущих отношений продолжают с 2016 года до сих пор. С одной стороны, правительство Великобритании отдавало приоритет собственным национальным интересам в переговорах, особенно в отношении торговых соглашений и миграционной политики, что привело к разногласиям с ЕС, который подчеркнул необходимость равных условий и сотрудничества. С другой стороны, некоторые государства-члены ЕС заняли жесткую позицию по отношению к Великобритании, что еще больше осложнило переговоры².

Пример Brexit иллюстрирует весомость и неоднозначность последствий решений политической власти, которая, в свою очередь, может создать проблемы для региональной интеграции. В данном случае дезинтеграционное решение Великобритании поставить свои национальные интересы выше сотрудничества с ЕС привело к существенному дистанцированию между двумя сторонами. Несмотря на продолжающиеся переговоры, по-прежнему существует значительная неопределенность в развитии отношений между Великобританией и ЕС, которая создает проблему экономической и политической нестабильности в европейском регионе в целом.

Еще одним примером влияния политической власти на интеграцию явилась ситуация между США и Мексикой – партнерами по Североамериканскому соглашению о свободной торговле (НАФТА). По данным Pew Research Center, на 2021 год численность нелегальных иммигрантов в США достигла 10,5 млн человек [Passel, Krogstad, 2024]. В декабре 2023 года США зафиксировали около 250 000 мигрантов на границе Мексики и США³. Правительство США при президенте Д. Трампе заняло жесткую позицию по отношению к миграционной политике Мексики.

Д. Трамп часто использовал риторику, направленную на пейоративизацию медиаобраза Мексики, а также предпринимал попытки ввести тарифы на мексиканский импорт в целях влияния на мексиканскую миграционную политику⁴. Представляется, что ужесточение миграционной политики Д. Трампом было призвано обеспечить национальную безопасность США и снизить проблему

насилованных преступлений. Однако, стремление президента Дж. Байдена полностью изменить политику Трампа привело к ситуации *in rebus*, а именно – к усилению внутренних политических противоречий, что видно на примере конфликта властей штата Техас с администрацией Дж. Байдена в январе 2024 года. Таким образом, можно наблюдать последствия неэффективной стратегии политической власти, не только выраженные в кризисе межгосударственной интеграции, но и влияющие на интеграцию внутригосударственную.

Интеграционные процессы в евразийском регионе

Учитывая глобальные вызовы транснационализации на основе западного технократического доминирования на мировом рынке [Steger, James, 2019. Р. 6], мировые державы, как крупнейшие геополитические центры, предлагают новые подходы к интеграции для защиты собственно национальных интересов. Одним из подобных примеров являются инициативы, принимаемые в рамках объединения БРИКС+, направленные в основном на укрепление многополярного мира и снижение зависимости от глобальных западных финансовых и экономических структур.

Так, переосмысление подходов к глобализации альтернативным по отношению к западоцентричной модели способом является ключевым знаменателем позиций государств в принятой в октябре 2024 года Казанской декларации БРИКС, где условия многополярности представляют собой основу глобальной стабильности⁵. Осуждая односторонние санкции и подчеркивая незаконность их применения, страны БРИКС выражают приверженность к защите экономического суверенитета и собственных национальных интересов. В рамках этих усилий предлагается создание «независимой трансграничной расчетно-депозитарной инфраструктуры BRICS Clear»⁶, а также механизмов инклюзивного развития с предоставлением развивающимся странам технологий, инвестиций и ресурсов. Представляется, что евразийский регион благодаря географическому положению и экономическому потенциалу является ключевым пространством, где пересекаются интересы стран БРИКС и реализуются стратегические инициативы. В свою очередь, экономическое развитие является ключевым предметом взаимодействия в интеграционных объединениях евразийского региона.

5 Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». XVI Саммит БРИКС. <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUICAmF3LEh02OL3Hk.pdf>

6 Там же. С. 24.

2 Hayes A. Brexit meaning and impact: The Truth About the UK Leaving the EU (2024). <https://www.investopedia.com/terms/b/brexit.asp>

3 Статистические данные Пограничного патруля США и Управления полевых операций Министерства внутренней безопасности США. <https://www.cbp.gov/newsroom/stats/southwest-land-border-encounters>

4 Еременко Е., Лозовая С. Политическая преграда. Как строят «стену Трампа» между Мексикой и США (2017). <https://www.forbes.ru/biznes/351103-politicheskaya-pregrada-kak-stroyat-stenu-trampa-mezhdu-meksikoy-i-ssha>

При этом новое значение в контексте обострения геополитических вызовов после 2022 года приобретает выдвинутая в 2015 году инициатива Президента России В.В. Путина по формированию «широкого интеграционного контура на евразийском континенте»⁷ – Большое Евразийское партнерство (БЕП). Россия, придерживаясь принципов многополярности, отражает собственный подход к экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [Смирнов, 2023. С. 321]. Подписанная 25 декабря 2023 года Декларация «Евразийский экономический путь» до 2030 года и на период до 2045 года отражает шесть ключевых задач развития экономических интеграционных процессов⁸:

- обеспечение общего рынка ЕАЭС ключевыми товарами и ресурсами;
- взаимодействие и сотрудничество в сфере технологического развития;
- формирование транспортно-логистического пространства;
- формирование общего финансового рынка;
- развитие экономического сотрудничества в сферах, имеющих интеграционный потенциал;
- становление ЕАЭС как полюса экономического центра на международной арене.

Политическая власть России при этом оказывает существенное и многогранное влияние на интеграцию в рамках ЕАЭС. За время председательства России в ЕАЭС отмечен рост ряда социально-экономических показателей, таких как рост ВВП, промышленного производства, выполненных строительных работ, а также грузооборота и пассажирооборота в странах ЕАЭС⁹. Представляется, что ведущая роль России в интеграционных процессах евразийского региона позволит в дальнейшем обеспечить задачи, представленные в Декларации «Евразийский экономический путь» в условиях общего видения многополярного и справедливого развития.

Как указывает в статье С. Лавров, именно в рамках таких объединений, как «ШОС, АСЕАН, ОДКБ,

ЕАЭС, СНГ», происходит гармонизация интеграционных процессов в евразийском регионе [Лавров, 2023]. Одна из ключевых интеграционных групп ЕАЭС в проекте БЕП определяется как стратегическая платформа для углубления экономического сотрудничества и координации интегрированной политики, что особенно значимо для укрепления сотрудничества России и Китая в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Немаловажное значение при этом имеет координация сотрудничества в рамках ШОС.

В подписанной 4 июля 2024 года Астанинской декларации ШОС отражаются основные векторы внешней политики в сфере стратегического лидерства – подтверждается стремление государств-членов ШОС к формированию *более справедливого и многополярного мироустройства*¹⁰. Безусловно, документ может по праву считаться актом протеста против неоколониальных амбиций в системе международных отношений, что отражается в тезисе «против протекционистских действий, односторонних санкций и торговых ограничений»¹¹. Подобные же совместные заявления имеют потенциал изменить отношение Запада к странам евразийского региона, учитывая, что геостратегический тезис З. Бжезинского о Евразии, находящейся под «превалирующим влиянием неевразийской державы», а именно США [Бжезинский, 2023. С. 233], больше не отражает современных реалий.

Ряд событий, таких как вывод войск НАТО из Афганистана и закрытие базы «Манас», наряду со смещением акцента во внешнеполитической стратегии США в сторону Ближнего Востока и Китая, только подтверждает факт снижения контроля США над евразийским регионом. При этом эксперты отмечают тенденцию к наращиванию инвестиционной активности США в странах Центральной Азии, что обсуждается на международной площадке C5+1 с 2015 года [Давыдов, 2022. С. 73]. Однако, как справедливо рассуждает Е. Махмутова, остается нерешенным вопрос о том, как страны центрально-азиатской «пятерки» будут маневрировать между инвестициями США и торговыми отношениями с Россией¹².

Кроме того, выход войск НАТО из региона оставил нерешенными и проблемы международной безопасности. Регион сталкивается с рядом вы-

7 О российской инициативе Большого Евразийского партнерства. Материалы о выполнении рекомендаций заседаний СГС, XXXVI заседание СГС. https://www.mid.ru/ru/activity/COORDINATING_and_ADVISORY_BODY/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767070/

8 Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь». https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01443175/ms_26122023

9 Опубликована статистика ЕАЭС по итогам 2023 года. <https://eec.eaeunion.org/news/opublikovana-statistika-eaes-po-itogam-2023-goda/>

10 Астанинская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. <http://www.kremlin.ru/supplement/6163>

11 Там же.

12 Махмутова Е. США возвращаются в Центральную Азию, но есть нюансы (2023). <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ssha-vozvrashchayutsya-v-tsentralnuyu-aziyu-no-est-nyuansy/>

Хорошее управление

Таблица. Анализ влияния политической власти на интеграционные процессы в рамках ШОС, ЕАЭС и БРИКС+

Table. Analysis of the influence of political power on integration processes within the SCO, EAEU, and BRICS+

Интеграционное объединение	Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)	Евразийский экономический союз (ЕАЭС)	БРИКС+
Цели интеграции	– Обеспечение безопасности в регионе, в том числе предотвращение международных конфликтов и противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму; – региональное сотрудничество; – координация подходов к интеграции в мировую экономику*	– Экономическая интеграция и создание общего рынка; – технологическое развитие; – снижение зависимости от западных рынков	– Экономическое и инвестиционное сотрудничество; – разработка и реализация альтернативных инициатив для противодействия западному доминированию на международной арене; – обеспечение принципа многополярности
Роль политической власти	– Координация позиций государств-членов ШОС на международной арене; формирование общих внешнеполитических приоритетов; – обеспечение политической стабильности Центральной Азии; – стратегическое лидерство Китая и России как гарантов политического единства организации	– Лидерство России в принятии ключевых решений; – политическая координация для решения экономических вопросов; разработка стратегии долгосрочного развития интеграционных процессов в рамках ЕАЭС; – поддержка политического диалога для преодоления разногласий	– Укрепление политического диалога между странами; – лидерство Китая и России; – формирование альтернативных G7 политической повестки и инициатив; – координация в вопросах обеспечения суверенитета; – обеспечение баланса интересов внутри объединения; – институционализация равноправного участия
Основные вызовы	– Конкуренция геополитических интересов с западными крупными игроками (США, Великобритания, страны ЕС) в регионе; – кризис Афганистана и проблемы региональной безопасности; – балансирование национальных интересов государств-членов ШОС	– Неравномерное развитие национальных экономик; – экономико-политическое давление со стороны западных игроков (санкционное давление, односторонние ограничения); – разноприоритетная внешняя политика государств-членов ЕАЭС	– Противодействие внешнему экономическому и политическому давлению; – внутренние экономические и политические разногласия; – разная степень политической стабильности стран-участниц; – разработка и институционализация общих механизмов; – интеграция новых членов объединения с сохранением баланса политических и экономических интересов
Результаты и перспективы	– Принятие Астанинской декларации как акта политической координации; – укрепление политического диалога по вопросам безопасности в Центрально-Азиатском регионе; – развитие торгово-экономического сотрудничества; принятие Концепции развития «Нового экономического диалога»; – укрепление партнерства в рамках инициативы «Один пояс – один путь»	– Рост показателей промышленного производства и ВВП стран ЕАЭС; – развитие торгово-экономических отношений и общей экономической политики в условиях санкционного давления; – формирование общего рынка и новых логистических цепочек; – диверсификация внешнеэкономических связей	– Успешное расширение БРИКС как результат политического взаимодействия; – преодоление угроз политической изоляции стран-членов БРИКС на международной арене; – принятие Казанской декларации, отражающей стратегические интересы и приоритеты в рамках укрепления справедливого глобального развития и безопасности**

* Хартия Шанхайской организации сотрудничества. <http://www.kremlin.ru/supplement/3450>

** Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». XVI Саммит БРИКС. <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf>

Источник: Составлено авторами

Source: Compiled by the authors

зовов, таких как терроризм, экстремизм, наркоторговля и, как следствие, имеет риски усиления политической и экономической нестабильности. Поэтому в Астанинской декларации именно Центральной Азии отводится особое значение в качестве «ядра ШОС». Устранение вышеуказанных угроз в регионе является приоритетом для обеспечения стабильной и предсказуемой среды, необходимой для экономического роста и развития.

Представляется, что обеспечение безопасности региона Центральной Азии выступает ключевым фактором формирования системы международной безопасности Евразии в целом. С этим связан и феномен Афганистана, где в 2021 году власть официально перешла к движению «Талибан»¹³.

13 Террористическая организация, деятельность которой на территории Российской Федерации запрещена на законодательном уровне.

Завершенность изначальных целей по предотвращению актов международного терроризма, отраженных в резолюции Дж. Буша¹⁴ и обосновывающих вторжение в Афганистан, остается без ответа. Тем не менее вызовы международной безопасности, особенно значимых для России, к которым, в частности, относится активизация ряда отдельных террористических группировок (уместным примером здесь будет взятие ответственности афганской группировкой «Вилаят Хорасан»* за теракт в «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 года), требуют срочных коллективных мер с учетом всех политических изменений в регионе. Подобным же изменением можно считать борьбу движения «Талибан»* против ИГИЛ* и других террористических группировок, а также связанный с этим вопрос о нормативном статусе действующей власти в Афганистане.

В целом Афганистан, несмотря на сложную политическую ситуацию, оказывает существенное влияние на динамику интеграционных процессов в регионе. В статье С. Рауф отмечает, что многостороннее сотрудничество на платформе ШОС может быть более результативным по сравнению с двусторонними договоренностями с Афганистаном [Рауф, 2024. С. 262]. При этом цели взаимодействия государств-членов объединения с Афганистаном Рауф разделяет по группам: 1) сотрудничество в целях обеспечения международной безопасности в регионе (Россия, Китай); 2) стремление к расширению торгово-экономических связей (государства Центральной Азии); 3) особые отношения Ирана, Индии и Пакистана, связанные с выжидательной позицией государств по отношению к политике нового правительства Афганистана [Рауф, 2024. С. 260]. Позиция же правительства Афганистана связана с обеспечением внутренней политической и экономической стабильности. Среди основных целей на пути к интеграции можно выделить вопросы совместного противодействия угрозам, международного признания правительства «Талибана»*, а также создания благоприятного инвестиционного климата в стране для государств евразийского пространства и расширения рынков экспорта собственной продукции.

Примером реализации экономических целей является стремление Афганистана к участию в китайской инициативе «Один пояс – один путь», в рамках которой Афганистан был включен в

Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК). Китай, в свою очередь, транслирует стремление «превратить Афганистан из государства без выхода к морю в транспортный узел» и выстроить эффективные двусторонние торгово-экономические и инвестиционные отношения¹⁵. Представляется, что реализация проектов по добыче полезных ископаемых в стране, улучшение транспортной инфраструктуры и интеграция Афганистана в общий рынок евразийского региона будет способствовать укреплению позиций государств-членов ШОС. В свою очередь, активные действия Афганистана на пути к интеграции в ШОС окажут положительное влияние и на двусторонние отношения государства с членами объединения, что в дальнейшем будет определять, насколько качественным будет процесс интеграции Афганистана в глобальную экономику, учитывая последствия многолетнего кризиса в стране.

Функции политической власти

Для структурирования всех указанных процессов считаем необходимым предложить сравнительную характеристику функций политической власти в условиях обозначенных целей и выявленных ключевых вызовов евразийской интеграции (см. **таблицу**). При этом выбор ШОС, ЕАЭС и БРИКС+ для анализа обусловлен как ведущими позициями России и Китая в объединениях, так и стратегическим значением двух государств для всего евразийского региона.

Таким образом, действия политической власти являются системообразующим элементом, определяющим как характер взаимодействия между участниками, так и устойчивость объединений в условиях глобальных вызовов. При этом необходимо определить следующие функции политической власти, каждая из которых направлена на обеспечение долгосрочного развития стран-участниц тех или иных интеграционных объединений:

Координирующая функция проявляется в обеспечении согласованности действий внутри объединения. Политическая власть, осуществляя данную функцию, создает условия, которые позволяют эффективно минимизировать внутренние разногласия и способствуют формированию единой стратегии развития.

Стратегическая функция заключается в способности задавать долгосрочные ориентиры для интеграционных процессов. Данная функция заключается в определении приоритетов, разработке инициатив и институционализации решений,

14 Public Law 107-40. Joint Resolution to authorize the use of United States Armed Forces against those responsible for the recent attacks launched against the United States. From the U.S. Government Printing Office. 2001. <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-107publ40/html/PLAW-107publ40.htm>

15 Позиция Китая об афганском урегулировании. МИД КНР. https://www.mfa.gov.cn/rus/wjdt/gb/202304/t20230412_11057789.html

Хорошее управление

обеспечивающих устойчивость и перспективное развитие объединений.

Функция *реагирования и адаптации* отражает способность политической власти оперативно отвечать на внешние вызовы, а также корректировать существующие механизмы в условиях меняющейся среды.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить значение евразийской интеграции в становлении постглобального мирового порядка, который требует объединения усилий государств в ответ на возникающие вызовы международной безопасности, экономической и политической стабильности. Определив ключевые взаимосвязанные функции политической власти на примере евразийского региона, мы предприняли попытку раскрыть ее значение в формировании интеграционных отношений. Анализ интеграционных объединений позволяет выделить их первоочередную значимость в следующих аспектах:

Дипломатия и стратегическое лидерство. Политическая власть, реализуя стратегическую функцию, задает долгосрочные ориентиры интеграционных процессов. Координирующая функция обеспечивает гармонизацию национальных интересов и установление равноправных отношений между странами-участницами на основе политического консенсуса и общепринятых норм и

ценностей, исключающих доминирование одной страны над другими. Политическая власть определяет вектор интеграции и выступает гарантом политического консенсуса.

Совместная экономическая политика и реакция на внешние угрозы. Координирующая функция проявляется в согласовании коллективной стратегии на основе диверсификации экономических связей, стимулирования взаимных инвестиций в ключевые секторы экономики, а также развития общего внутреннего рынка. Подобный подход способствует минимизации односторонних санкций, используемых в качестве экономического оружия для дестабилизации национальных экономик.

Обеспечение международной и национальной безопасности. Функция реагирования и адаптации становится ключевой в контексте разработки и реализации стратегий коллективной безопасности, усиления сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом, в том числе разработки программ дерадикализации и предотвращения экстремистских идеологий среди населения, а также координации миграционной политики.

Институционализация механизмов интеграции. Создание устойчивых институциональных структур, обеспечивающих гибкость и стабильность интеграционных процессов, является результатом синтеза координирующей и стратегической функций политической власти.

Литература

- Бжезинский З. Великая шахматная доска / Пер. с англ. О. Уральской. М.: Изд-во «АСТ», 2023.
- Давыдов А. О стратегической значимости Центральной Азии для США. *Россия и новые государства Евразии*. 2022. № IV (LVII). С. 60–77. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-4-60-77>. EDN: SQWRIP
- Лавров С.В. Соблюдение принципов Устава ООН во всей их совокупности и взаимосвязи – залог международного мира и стабильности. *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21. № 6. С. 158–171. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-6-158-171>
- Рауф С. Трансграничное взаимодействие Афганистана и Шанхайской организации сотрудничества после вывода войск США из Афганистана. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2024. № 2. С. 252–263. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-252-263>. EDN: WMSEPC
- Смирнов В.А. Подход России к новой Стратегии развития ЕАЭС до 2045 г. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2023. Т. 16. Вып. 4. С. 320–329. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.401>
- Тарасов А.Г., Ишуков А.А. Многополярность как основная характеристика постглобального мира: поиск экономических ориентиров новой модели. *Международная торговля и торговая политика. Серия 9*. 2023. № 1. С. 74–89. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2023-1-74-89>
- Balassa B. The Theory of Economic Integration (Routledge Revivals). Routledge & CRC Press, 2012. In English
- Bruszt L., Langbein J. Manufacturing development: how transnational market integration shapes opportunities and capacities for development in Europe's three peripheries: Introduction to the special issue. *Review of International Political Economy*. 2020. Vol. 27. No. 5. P. 996–1019. <https://doi.org/10.1080/09692290.2020.1726790>. In English
- Deutsch K. The Analysis of International Relations. New Jersey: Prentice-Hall, 1978. In English
- Minh L.N., Tri N.M. The role of the state in the process of international integration: challenges and solutions. *International Journal of Health Sciences*. 2022. No. 6 (S8). 2022. P. 725–736. <https://doi.org/10.53730/ijhs.v6nS8.11344>. In English
- Passel J.S., Krogstad J.M. What we know about unauthorized immigrants living in the U.S. Pew Research Center (2024). <https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/07/22/what-we-know-about-unauthorized-immigrants-living-in-the-us/>

Steger M., James P. Globalization Matters: Engaging the Global in Unsettled Times. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. <https://doi.org/10.1017/9781108557078>. In English

Wade R.H. The Disturbing Rise in Poverty and Inequality: Is it all a 'Big Lie'? // *Taming Globalization: Frontiers of Governance*. Cambridge: Polity, 2003. P. 18–46. In English

References

Brzezinski Z. The grand chessboard / Translated from English by O. Uralskaya. Moscow: Izdatelstvo "AST", 2023. In Russian

Davydov A. On Central Asia's strategic importance for the US. *Rossiia i novyye gosudarstva Yevrazii*. 2022. No. IV (LVII). P. 60–77. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-4-60-77>. EDN: SQWRIP. In Russian

Lavrov S.V. Adherence to the UN Charter principles in their entirety and interconnection underwrite international peace and stability. *Rossiia v globalnoy politike*. 2023. Vol. 21. No. 6. P. 158–171. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-6-158-171>. In Russian

Rauf S. Transboundary interactions between Afghanistan and the Shanghai cooperation organization After the US with-

drawal from Afghanistan. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2024. No. 2. P. 252–263. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-252-263>. EDN: WMSEPP. In Russian

Smirnov V.A. Russia's approach to the new Development Strategy of the EAEU until 2045. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2023. Vol. 16. Issue 4. P. 320–329. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.401>. In Russian

Tarasov A.G., Ishukov A.A. Multipolarity as the main characteristic of the post-global world: searching for new model economic outlines. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika. Seriya 9*. 2023. No. 1. P. 74–89. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2023-1-74-89>. In Russian

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Александр Константинович Поляков, преподаватель кафедры цифровых медиакоммуникаций Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9). E-mail: a.k.polyakov@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0988-129X>

Мария Афганьяр, аспирант Института государственной службы и управления Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119606, Москва, проспект Вернадского, 84). E-mail: mariyanazer1919@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0001-0573-9563>

Для цитирования: Поляков А.К., Афганьяр М. Роль политической власти в интеграционных процессах. *Государственная служба*. 2025. № 1. С. 6–13.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Alexander K. Polyakov, Lecturer, Department of Digital Media Communications Saint Petersburg State University (7/9, Universitetskaya naberezhnaya, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation). E-mail: a.k.polyakov@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0988-129X>

Maria Afganyar, postgraduate student, Institute of Public Administration and Civil Service Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119606, Russian Federation). E-mail: mariyanazer1919@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0001-0573-9563>

For citation: Polyakov A.K., Afganyar M. The role of political power in integration processes. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2025. No. 1. P. 6–13.